

УДК 16

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

ВОЗМОЖНА ЛИ «ЛОГИКА ОТКРЫТИЯ»?

В статье рассматривается эпистемологическая проблематика с точки зрения использования возможностей формально-логического инструментария. В центре рассмотрения – категория «логика открытия», под которой понимается поиск эвристических механизмов, с помощью которых возможно решение исследовательских задач самого разного масштаба. Анализируются идеи И. Лакатоса в этом контексте. На основе материала методологии истории демонстрируются различные возможности использования «логики открытия» в современном познавательном процессе.

«Логика открытия» – это парафраз одного из сегментов научной рациональности, точнее, тех механизмов, с помощью которых теория рациональности (включающая формальную логику) может способствовать реализации научных проектов. Выявить, обозначить «логику открытия» – значит, сформулировать принципы, способы, с помощью которых методологический инструментарий может стать основанием для осмысления эмпирического материала.

Одним из первых в наши дни проблему обозначил и попытался решить венгерский мыслитель Имре Лакатос. Именно он сформулировал ключевую мысль: «Современная методологическая концепция, или «логика открытия», представляет собой просто ряд правил (может быть, даже не особенно связанных друг с другом) для оценки готовых, хорошо сформулированных теорий» [1, с. 203]. Выдвигая на первый план принцип критицизма, он справедливо отмечал, что все попытки выстроить «единственно верную» методологическую систему как в XVII в., так и в последующее время не увенчались успехом. В связи с этим гносеологический оптимизм постепенно сменился столь же абсолютным гносеологическим пессимизмом, и большинство не верит, что можно предложить ученому некий свод правил, следуя которому, мы имеем возможность получить необходимый результат. Но сам по себе критицизм содержателен лишь в той степени, в какой «ниспровергает». Важно и утверждать. В этом контексте И. Лакатос, как известно, сформулировал четыре способа, на основе которых действие «логики открытия» все же возможно. Рассмотрим их в широком контексте, предлагая альтернативные и критические (уже по отношению к идеям самого венгерского автора) концепции.

Первая «логика открытия» квалифицируется при помощи понятия «индуктивизм». Согласно индуктивизму только те суждения могут быть приняты в качестве научных, которые либо описывают твердо установленные факты, либо являются их неопровержимыми индуктивными обобщениями. «Когда индуктивист принимает некоторое научное суждение, он принимает его как достоверно истинное, и если оно таковым не является, индуктивист отвергает его. Научный кодекс его суров: суждение должно быть либо доказано фактами, либо выведено – дедуктивно или индуктивно – из ранее доказанных суждений» [1, с. 204]. Перед нами – традиционный формально-логический кодекс, который не выходит за рамки аристотелевской силлогистики. Данный методологический подход является «рабочим» и в наши дни, причем он пользуется максимальной популярностью среди исследователей. Но здесь существуют свои подводные течения. Например, применительно к истории всегда можно поставить вопрос об истинности самих базовых эмпирических данных. Общеизвестно утверждение, согласно которому «исторический факт сам должен быть доказан». Практика сегодняшних дней,

когда опровергаются, казалось бы, ранее истинные факты, об этом свидетельствует прямо. Причем что интересно: исследователи, столкнувшись с этой проблемой, пошли по пути не поиска новых методологических оснований для утверждения истинности эмпирических фактов, а свернули на дорогу, которая называется «альтернативным мышлением». Т.е. если факт подвергается сомнению, а доказать его (безукоризненно и безапелляционно) не удается, то самым правильным будет признать реальное существование ряда интерпретаций одного и того же факта. В результате мы имеем плюралистичность как методологический принцип, который одними учеными приветствуется и объявляется единственно верным принципом, а другими объявляется ложным.

Индуктивизм основывается на принципе объективности, но, опять же, данный принцип резко критикуется и количество различных подходов, интерпретирующих саму возможность существования объективного факта, реальности, только растет. В чем главная проблема индуктивизма в аспекте критики его объективных оснований? В том, что всегда существует возможность того, что факт будет опровергнут на основе новых открытий, нового «прочтения» уже известных источников, что существует и усугубляется проблема объективной истины. Опять же, здесь присутствует особого рода диалектика, связанная с желанием найти нечто объективное вне человека, вне субъекта и пониманием того простого факта, что само это желание уже субъективно по существу. Наиболее ярко эту идею апробировал Пол Фейерабенд в своем нашумевшем труде «Прощай, разум». В частности, объективизму «противоречит» принцип релятивности. «Релятивизм относится не к понятиям (хотя большая часть его современных вариантов является концептуальными вариантами), а к человеческим отношениям. Он имеет дело с теми проблемами, которые возникают при столкновении разных культур или индивидов с разными привычками и вкусами» [2, с. 108]. Т.е. релятивизм прямо апеллирует к человеческим отношениям, которые не дают оснований для любого вида или рода объективных построений. Фейерабенд предложил основание для «антиобъективности» как методологического принципа, суть которого отражает понятие «культура». Послушаем ход его аргументации: «Верно, что значение уравнений Максвелла не зависит от того, что думают люди по поводу электрификации. Однако оно зависит от культуры, в которой эти уравнения существуют. Нужна весьма специальная ментальная позиция, заключенная в особую социальную структуру и соединенная с уникальными историческими процессами для того, чтобы предугадать, сформулировать, проверить и обосновать те законы, которыми сегодня пользуются ученые» [2, с. 161]. Т.е. любые эвристические процессы субъективны, поскольку реализуются «через» и «посредством» человека. Причем этот процесс конкретизируется с помощью понятия «культура». А субъективизм в данном контексте тождественен релятивизму.

Но важно представить и альтернативную точку зрения, связанную с тем, что объективизм, «индуктивизм» все же возможен и суть его может быть отражена достаточно полно и определенно. В качестве примера обратимся к точке зрения российского методолога Н.И. Смоленского. Основных тезисов здесь два. Первый: «Историк изучает мир явлений, который он не создал и который существовал бы и в том случае, если бы этого историка вообще не было» [3, с. 183]. Но если это так, то несомненен вывод о первичности бытия, жизни людей и вторичности мышления человека (в частности, историка). И второй: положение «о равноценности различных интерпретаций прошлого в любом варианте представлений, в том числе новейшем, постмодернистском, является фикцией не только в научном, но и в социально-политическом отношении» [3, с. 184]. В конкретном случае мы остановимся на данных тезисах, не комментируя их, и сделаем предварительный вывод о индуктивизме как одной из попыток сформулировать «логику открытия». Суть этого вывода заключается в том, что индуктивизм носит классический (что значит, рациональный) характер, поскольку выражает протест против ирра-

ционального типа мышления и фиксирует достоинства сугубо рационалистической картины мира. Базовой парадигмой мышления в этом контексте является аристотелевская силлогистика. Вместе с тем рационально объяснить целый ряд фактов, явлений исследователю, предпочитающий индуктивистскую парадигму знания, не в состоянии. Например, сложно объяснить с позиций «чистой» рациональности внутренние причины выбора мотивов действий тех или иных исторических персонажей, выбор ими важнейших поведенческих констант. Отождествление динамики исторического развития с экономическими, к примеру, изменениями в обществе также встречает затруднения: всем памяты «советские» споры по поводу Марксовой теории общественно-экономических формаций и азиатского способа производства в частности.

В связи с этими затруднениями на первый план выходит вторая модификация «логики открытия», названная И. Лакатосом конвенционализмом. Ученый пишет об этой теоретической возможности так: «Конвенционализм допускает возможность построения любой системы классификации, которая объединяет факты в некоторое связное целое. Однако ни одну классифицирующую систему конвенционалист не рассматривает как достоверно истинную, а только как “истинную по соглашению”» [1, с. 208]. «Кодекс научной честности конвенционалиста менее строг, чем кодекс индуктивиста: он не налагает запрещения на недоказанные спекуляции и разрешает построение систем на основе любой фантастической идеи. Кроме того, конвенционалист не клеймит отброшенные системы как ненаучные» [1, с. 210]. Т.е. конвенция первична, концептуальное разнообразие (вне контекста истины) вторично.

Следует отметить, что конвенциональный подход сегодня является одним из важнейших направлений методологического поиска и в различных общественных науках принимает форму, как правило, интегративных, междисциплинарных концепций. Самый заметный пример, скажем, в юриспруденции, – это феноменолого-коммуникативная теория санкт-петербургского ученого А.В. Полякова, специфике которой в белорусской теории права посвящена специальная монография [4]. Конечно же, коммуникативный подход А.В. Полякова и конвенционализм в том виде, как его декларирует И. Лакатос, – это нетождественные понятия. Главное отличие состоит в том, что в случае с идеями венгерского автора ключевым является тезис о «соглашении». У российского ученого на первом месте не «соглашение», а «вбирание» в интегративную теорию всех ранее апробированных теоретических концепций. Однако методологический принцип, связанный с согласием, «многоединством», «всеединством» (это уже из известной концепции В. Соловьева), является общим.

Обратим внимание и на то, что сегодня активно дискутируется положение о том, какой процесс в эпистемологии является господствующим: связанный с конвергенцией методологических систем (а шире – правовых систем в целом) или их дивергенцией (разбеганием). Общий смысл этой дискуссии близок конвенционалистской теории И. Лакатоса и может быть сведен к трем тезисам. Первый: нет абсолютных систем, любую систему можно отбросить и предложить иную, особенно если «наработан» соответствующий теоретический материал. Второй: в формальном аспекте нет принципиальной разницы между ложными и истинными теориями, так как из ложных допущений могут последовать истинные следствия, все зависит от характера конвенциональных связей. Теория в целом рассматривается как инструмент, как «лопата», с помощью которой можно эффективно «копать». Инструментализм в этом смысле выступает как вариант конвенционализма. Третий: конвенционализм менее строг (в формально-логическом смысле), чем индуктивизм. Недоказанные спекуляции здесь столь же востребованы, как и выверенные и апробированные положения.

К этим тезисам можно добавить то соображение, что исторический спор между стремлением ряда авторов к конвергенции методологических систем (один из вариан-

тов конвенционализма) и желанием «разбежаться» сегодня не решен и вряд ли может быть решен в принципе. Причем важнейшей тенденцией развития конвенционалистских теорий остается стремление к простоте, упрощению громоздких систем.

Третья «логика открытия» носит название «методологического фальсификационизма». Ссылаясь на работы К. Поппера, И. Лакатос утверждает, что «основная особенность фальсификационистской методологии состоит в том, что она разрешает принимать по соглашению фактуальные, пространственно-временные универсальные теории» [1, с. 212]. Иными словами, перед нами все то же «соглашение» (вариант конвенционализма): чтобы быть научной, теория должна предсказывать новые факты, факты неожиданные с точки зрения предыдущего знания; основанием для работы исследователя остается формальная логика.

Однако ключевое значение имеет четвертая «логика открытия», которая носит название «методология научно-исследовательских программ». В.Н. Порус, анализируя данный тип методологии, пришел к выводу, что концепция научной рациональности, заключенная в методологии научных исследовательских программ, выражается просто: рационально действует тот исследователь, который выбирает оптимальную стратегию для увеличения «круга эмпирических знаний». Методолог фиксирует механизмы оптимизации этой стратегии, получая в итоге «теорию научной рациональности». Наложение этой теории на материал теории науки – это рациональная реконструкция последней. Ученый пишет об этом так: «Методология научных исследовательских программ – это рассказ о том, как, маневрируя “негативной” и “позитивной” эвристикой, т.е. творческим потенциалом программы, исследователи то защищают ее “жесткое ядро” от разрушительных эффектов эмпирических опровержений с помощью “защитного пояса” вспомогательных гипотез и теорий, то безоглядно устремляются вперед, оставляя за спиной неразрешенные эмпирические проблемы, зато объясняя все более широкие области явлений, по пути исправляя ошибки и недочеты экспериментаторов, поспешно объявляющих о найденных “контрпримерах”» [5, с. 21].

Если попытаться кратко суммировать теоретические положения, связанные с методологией научно-исследовательских программ, то их можно свести к следующим положениям. Научные революции состоят в том, что одна научно-исследовательская программа вытесняет другую. При этом «исследовательская программа» предстает перед нами в более известной форме понятия «парадигма», введенного Т. Куном. Далее, «исследовательская программа» не отрицает иных «логик открытия» – она заимствует и у индуктивизма, и у конвенционализма ряд существенных элементов. В частности, исследовательская программа включает в себя конвенционально принятое проблемное поле. Причем субъектная составляющая процесса всегда приоритетна. И. Лакатос пишет об этом так: «Природа может крикнуть “нет!”, но человеческая изобретательность всегда способна крикнуть еще громче» [1, с. 219]. Исследовательская программа считается прогрессирующей тогда, когда она предвосхищает ее эмпирический рост (И. Лакатос прежде всего методолог!). Нет никаких гарантий «обязательной успешности» той или иной исследовательской программы, но точно также нет никаких гарантий ее «обязательного» регресса.

Насколько высказанные соображения (изложенные нами чрезвычайно конспективно) могут быть востребованы современной наукой? В качестве примеров обратимся к методологии, философии истории. Историки в этом контексте традиционно опираются на практику, апеллируя к историческому факту и вовсе не потому, что не знают последних достижений эпистемологической науки. Вопрос в ином: во-первых, достаточно часто неясен механизм перехода от методологических новаций общего плана к конкретным исследовательским проектам. И это не случайно, так как методологи представляются историкам людьми, для которых на первом месте некие общие соображения, кон-

цептуальные изыски, которые достаточно сложно обосновать логически. Тогда как эмпирический фон может хотя бы внешне выглядеть безукоризненно обоснованным. Как пишет М.А. Кукарцева, философия истории, в частности, является концептуальным способом исследования, а история – преимущественно эмпирическим. «В истории исследовательская ситуация выстраивается в направлении от формирования фактологической основы исследования (свидетельства), через постановку проблемы к выбору основных постулатов методологии анализа, а в философии – от формулировки проблемы и изложения основных подходов к ее решению, к определению субстрата исследования» [6, с. 13]. Здесь мы можем вспомнить «проблемное поле» исследовательских программ И. Лакатоса: изложенное выше соответствует этому принципу. Во-вторых, историк понимает, что апробированных, принятых большинством профессионального сообщества эпистемологических теорий не существует. Вот тот же И. Лакатос, замечательный, умный исследователь, однако достаточно раскрыть труды К. Поппера, П. Фейерабенда и многих иных, не менее талантливых авторов, чтобы убедиться: критика идей венгерского методолога «зашкаливает», единство во взглядах лишь локальное. Отсюда фразы о том, что историческая эпистемология есть «конструирование истории через пространственное воображение» (Н. Копосов), что теория познания в исторической науке, по сути, означает «нерешающую диалектику» (А. Мегилл) и т.д. В-третьих, выбор эпистемологической системы является произвольным, связанным с традициями той или иной исторической школы, приоритетом самого исследователя или веяниями гносеологической моды, политическими соображениями, мировоззренческой ориентацией.

Вместе с тем сказать, что усилия методологов по формулировке тех или иных «логик открытия» бесполезны и бессодержательны, конечно же, нельзя. Здесь надо учитывать, что при всем критическом отношении новые методологические веяния почти всегда открывали и новые страницы в содержательном поле исторических исследований. Достаточно в этом контексте назвать герменевтику, феноменологию, психоисторию, синергетику и т.д. Факт: предложенные методологами науки новые концептуальные построения позволили существенно переосмыслить накопленный исторический материал и предложить принципиально новые «прочтения» привычных, трафаретных построений.

Но есть здесь и еще один важный момент. И. Лакатос, как мы уже говорили, привлекает внимание к индуктивизму и говорит о содержательной ценности этой «логики открытия». Это важная констатация, поскольку сегодня мы можем наблюдать попытки заменить те же строгие логические рассуждения эмоциональными текстами, феноменологическими построениями, в центре которых не определения, а описания, поиски чистой сущности науки (эйдоса, локуса). Мы можем наблюдать снисходительный тон по отношению к аристотелевской силлогистике. И не потому, что она устарела, а потому, что предлагаются принципиально новые исследовательские программы (говоря языком венгерского мыслителя). Силлогистика в этом аспекте «вытесняется», а ей на смену приходит отрицание объективных оснований мышления, отрицание теории истины и иные, вполне известные вещи и явления.

Вот как, например, Э. Доманска рассуждает о «перформативном перевороте» в современном гуманитарном знании: «На уровне академических дебатов новое гуманитарное знание стремится подорвать авторитет и привилегии канонического академического знания... Перформанс есть ключевой аспект человеческого существования, процесса строительства коммуникации, локус социальной трансгрессии» [7, с. 227, 229]. При этом перформанс понимается как новое гуманитарное знание со всеми его признаками: в центре внимания – проблемы власти, объявление «второстепенными» традиционных гуманитарных дисциплин, акцент на театральности социального действия

и иное. Перформанс апеллирует к экзистенциальным границам существования, и логика здесь носит вторичный, периферийный характер.

Так возможна ли «логика открытия»? Однозначного ответа нет. Вот что говорит Пол Фейерабенд: «Представления о науке, которая развивается по пути строгой логической аргументации, – это не более чем иллюзия» [2, с. 18]. Точку зрения И. Лакатоса (в частности, по поводу эвристических возможностей индуктивизма) мы приводили. Такие примеры несложно продолжать; вообще, констатация «однозначного ответа нет» в цеху обществоведов стала чем-то вроде догмы, которой чаще всего прикрывается теоретическая беспомощность. Но ведь далеко не всегда звучат именно такие слова – достаточно часто налицо определенность. С другой стороны, критикуется сама компетентность профессионального цеха. Тот же П. Фейерабенд отмечал: «Профессора служат тем, кто им платит, и делают то, что им говорят. Они несвободны в поисках гармонии и счастья для всех, они являются государственными служащими» [2, с. 419]. Спорный, но интересный аргумент в пользу релятивизма «антиобъективности». Другими словами, все зависит от многих факторов, в результате которых «логика открытия» либо становится определяющим мотивом и базисом исследовательских действий ученого, либо задвигается в темный угол социума и забывается до лучших времен. Какие это факторы? Самые разнообразные: от идеологической системы государства и господствующей эпистемологической моды до новаторских усилий методологов, выдвигающих самые разнообразные «измы» с целью обоснования своих теоретических построений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М. : Акад. проект : Трикста, 2008. – 475 с.
2. Фейерабенд, П. Прощай, разум / П. Фейерабенд. – М. : АСК : Астрель, 2010. – 477 с.
3. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории / Н. И. Смоленский. – М. : Академия, 2007. – 272 с.
4. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 189 с.
5. Порус, В. Н. Между философией и историей науки: на пути к «гибкой» теории научной рациональности / В. Н. Порус // Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М. : Акад. проект : Трикста, 2008. – С. 9–26.
6. Кукарцева, М. А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользящем мире. Вместо введения / М. А. Кукарцева // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки : сб. ст. / ред. М. А. Кукарцева. – М. : Канон-Плюс, 2011. – С. 3–49.
7. Доманска, Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании / Э. Доманска // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки : сб. ст. / ред. М. А. Кукарцева. – М. : Канон-Плюс, 2011. – С. 226–235.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.05.2017

Lepeshko B.M. Is the «Logic of Discovery» Possible?

The article epistemological problems of using the possibilities of the formal logical instrument is considered in the article. A category «discovery logic» is in the center of consideration. The category means the search for heuristic mechanisms which makes possible to solve research problems of various scales. The ideas of Imre Lakatos are analyzed in this context. Various possibilities of usage of the «logic of discovery» in the modern cognitive process are demonstrated based on the material of the methodology of history.